

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора исторических наук, доцента, профессора кафедры церковно-исторических и гуманитарных дисциплин религиозной организации – духовной образовательной организации высшего образования «Екатеринбургская духовная семинария Екатеринбургской Епархии Русской Православной Церкви» на диссертацию Воробьева Андрея Михайловича «Религиозная цензура как явление русской культуры XVIII – первой четверти XIX в.», представленную в виде рукописи к защите на соискание ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01. – Теория и история культуры

Представляемая к защите диссертация А. М. Воробьева посвящена рассмотрению религиозной цензуры как социокультурного явления, влиявшего на формирование культуры Нового времени в России. Во введении к работе автор обосновывает актуальность темы своего исследования, приводя данные о том, что современное российское общество ощущает потребность в контроле информационного потока. Определение объекта, предмета и цели исследования замечаний не вызывают. В то же время среди задач работы числится изучение «истоков цензурных запретов в древнерусской книжной культуре и их функционирование в досинодальный период» (С. 11). Разумеется, рассмотрение вопроса об истоках изучаемого явления может быть частью работы, но включение его в число основных задач исследования представляется излишним. Возникает вопрос: если автор самостоятельно исследовал этот период, почему хронологические рамки работы такие узкие?

Вообще, определение хронологических рамок работы первоначально вызывает некоторые сомнения. А. М. Воробьев дает собственную периодизацию истории развития религиозной цензуры в Российской империи. Периодизация эта хорошо обоснована и возражений не вызывает, в отличие от предложенной в результате верхней хронологической границы исследования. Кажется странным, что автор остановился на том моменте,

когда духовная цензура в России получила свой собственный устав, то есть ее развитие пришло к определенному итогу, который автор отказывается рассматривать. Но при чтении основной части работы становится понятно, что А. М. Воробьев рассматривает окончательное отделение духовной цензуры от светской не как итог предшествующего периода развития, а как начало принципиально нового этапа в развитии цензуры, причем с логикой его рассуждений можно согласиться.

Источниковая база исследования выглядит достаточной, единственным замечанием – в ее описании отсутствует определение информационного потенциала законодательных источников. Определение теоретико-методологической базы исследования вопросов не вызывает.

Первая глава «Цензура как явление культуры» посвящена анализу истории осмысления феномена цензуры и современных подходов к ее изучению, существующих в зарубежной и отечественной литературе. В краткой форме содержание этой главы было изложено во введении («Степень научной разработанности темы»), что представляется излишним: достаточно было оговориться, что подробно эта тема будет рассмотрена в первой главе. В первом параграфе автор дает достаточно подробный обзор эволюции взглядов на цензурные запреты, характеризует отдельные этапы в развитии этих взглядов. Отдельно он выделяет работы отечественных авторов, сопоставляя их взгляды с европейскими. Выводы автора по материалам этого параграфа не вызывают возражений, но следует отметить, что развернутая характеристика работ предшествующих эпох сменяется у него простым перечислением современных исследований, в том числе и по тому периоду истории России, о котором идет речь в диссертации. Было бы неплохо сделать развернутый анализ этих работ, поскольку это помогло бы доказать новизну положений представленного к защите исследования.

Большой интерес представляет второй параграф первой главы «Сущность и функции цензуры. Особенности механизмов религиозной цензуры». В нем формулируется понятийный аппарат, который автор

использует во второй части своей работы, посвященной уже непосредственно истории цензурных запретов в России, определяется авторский подход к пониманию цензуры как социокультурного явления. Автор прослеживает историю религиозных запретов, начиная с первобытного общества. В целом следует признать эту часть работы наиболее удачной с культурологической точки зрения.

Вторая глава уже непосредственно посвящена трансформации механизмов религиозной цензуры в отечественной культуре. Первый параграф этой главы носит название «Предпосылки формирования религиозной цензуры в отечественной культуре до Петра I». Таким образом, практически половина объема основной части диссертации (первая глава и первый параграф второй главы) к заявленной теме диссертации имеют лишь опосредованное отношение. Тем не менее, поскольку изложенный в них материал важен для раскрытия этой темы, имело бы смысл подкорректировать название диссертации.

Что же касается содержания второй главы, в ней имеется ряд интересных и чрезвычайно ценных наблюдений. Автор пишет об изменении функций религиозной цензуры в секуляризованном обществе, о падении роли Церкви в контроле над информацией. Особенно следует выделить блестяще проанализированные сюжеты об участии митрополита Платона Левшина в деле Н. И. Новикова и о борьбе между сторонниками межконфессионального единства и «православной партией» в первой четверти XIX в. В итоге автор приходит к выводу о том, что «духовная цензура часто выступала в роли правительственных мер по защите той или иной идеологической модели, которую власть старалась привить в обществе» (С. 158).

Следует отметить, что в работе содержится ряд ошибок и неточностей в отношении исторических событий, в общем и целом не влияющих на выводы исследования, но нуждающихся в исправлении. Так, на С. 77 в качестве примера «защиты нового» при помощи цензуры приводится

введение обязательного троеперстия при патриархе Никоне. Но троеперстное знамение использовалось до унификации обрядов Стоглавым собором, так что «новым» для русской религиозной практики не было. В то же время имеется масса других изменений, проведенных Никоном, и однозначно относящимся к нововведениям.

На С. 89 как нечто необычное упоминается запрет патриарха Иоакима печатать религиозные гравюры. Но этот запрет находится в ряду мероприятий Православной Церкви по борьбе с неканоничными священными изображениями, которая началась задолго до упомянутого указа и продолжалась на протяжении всего синодального периода (и автор приводит примеры этой борьбы).

На С. 92 автор пишет о двух церковных партиях, существовавших во времена Петра I: украинских архиереев и некую «группу духовенства» во главе с Феофаном Прокоповичем. При этом описание первой группы выглядит так, будто она противостояла великорусскому духовенству. На самом же деле украинский епископат, которому покровительствовал Петр, вызывал опасения у местного духовенства лишь в первое время. Их подозревали в приверженности европейскому образу мысли. Однако, вскоре оказалось, что малороссы, несмотря на католические элементы в их богословских взглядах, твердо отстаивают вполне православную идею симфонии властей, что сблизило их с местным духовенством. И украинцы, и русские защищали самостоятельность Церкви в духовных делах. Что же касается Феофана Прокоповича, то никакой «группы духовенства» за ним не стояло. Поддержка у него была, но только со стороны светской власти, прежде всего – со стороны Петра, для которого Феофан стал главным идеологом нового абсолютистского, в значительной мере секуляризованного, государства. Феофан выражал не церковную, а государственную точку зрения, а конфликты, в которых он участвовал, были не столько внутрицерковными, сколько церковно-государственными (что А. М. Воробьев отмечает на с. 99). Именно Феофан в своих произведениях, в

том числе в Духовном регламенте, оформил идею примата императорской власти в Церкви, что, собственно, и привело к тому, что в дальнейшем религиозная цензура преследовала прежде всего государственные интересы. В связи с этим хотелось бы видеть в диссертации более подробный анализ Духовного регламента, который буквально насквозь проникнут идеей контроля над жизнью подданных Российской империи, в том числе и над поступающей к ним информации. Широкое определение понятия цензуры, предлагаемое в первой главе, позволило бы совершенно по-новому осветить этот, казалось бы, досконально изученный документ.

С.93: Маркелл Радышевский ошибочно назван епископом, хотя на момент, о котором идет речь в тексте, он еще не имел архиерейского сана.

Следует еще раз повториться, что эти неточности не отражаются на уровне достоверности выводов, сделанных в заключительной части исследования, но их исправление необходимо, поскольку автор предполагает продолжать работу над темой религиозной цензуры в Российской империи. В связи с этим хотелось бы также порекомендовать ему в последующих работах уделить большее внимание теме внутрицерковной цензуры, в частности – вопросу о литературе, запрещенной для чтения семинаристам и духовенству. Это позволит ему исследовать такую область, в которую государственная власть практически не вмешивалась, и где Церковь была более самостоятельна в принятии решений. Сами же выводы, сделанные автором в ходе работы, вполне корректны и возражений не вызывают.

В заключении необходимо сказать, что представленная соискателем научно-квалификационная работа выполнена на высоком уровне, носит самостоятельный и во многом новаторский характер, соответствует всем критериям, установленным пунктом 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней (Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842)». Автореферат и публикации соответствуют теме диссертации и отражают ее основные идеи и выводы. Автор диссертации Андрей

Михайлович Воробьев заслуживает присуждения ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01. – Теория и история культуры.

Доктор исторических наук (07.00.02 – Отечественная история), доцент, профессор кафедры церковно-исторических и гуманитарных дисциплин Религиозной организации – духовной образовательной организации высшего образования «Екатеринбургская духовная семинария Екатеринбургской Епархии Русской Православной Церкви»

Мангилёва Анна Владимировна

Мангилёва Анна Владимировна

Место постоянной работы: Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования «Екатеринбургская духовная семинария Екатеринбургской Епархии Русской Православной Церкви»

Должность: профессор кафедры церковно-исторических и гуманитарных дисциплин

Почтовый адрес места работы: 620026, Россия, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 57;

Телефон: +7 (343) 311-99-40

Электронная почта: rector@epds.ru info@epds.ru

Веб-сайт: <http://epds.ru>

Подпись А. В. Мангилевой заверяю

Мамта
Протоиерей Николай Малета,
ректор Екатеринбургской
духовной семинарии
13.08.2018 г.